

Литература древней Руси, выражаясь "старыми словесы", "многими красотами удивлена еси". Поражает, что уже в своем раннем развитии она сумела разработать разветвленную, стройную жанровую систему. И летописание, и красноречие, и жития святых отцов, и хождения, и моления - все это звенья единого мощного, как водопад, творческого процесса. К большому сожалению, в тени исследовательской мысли остались эпистолярные жанры литературы, хотя и они предельно насыщены в Древней Руси литературной аурой, в силу чего могут и должны помочь в поисках причин столь стремительного восхождения нашей изящной словесности на свой высокий олимп.

В. Г. Кабакова
Екатеринбург

СИМВОЛИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ОБРАЗА ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ"

За последние годы в отечественном литературоведении появились работы С. М. Телегина, Н. Ю. Тяпугиной, Л. В. Карасева, В. Н. Топорова, П. Торопа и др., предметом анализа которых является архетипическая и мифологическая структура текстов Ф. М. Достоевского.

В центре нашего внимания находится образ Федора Карамазова из романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы", однако и сам образ, и его функции в составе целого произведения мы исследуем под углом одной из базовых оппозиций мифологического и архетипического сознания, открытых еще К. Леви-Строссом, - оппозиции "мужское/женское". Фигура Отца - Федора Карамазова, до сих пор остается одной из самых загадочных среди персонажей писателя, несмотря на ряд ценных замечаний о герое в трудах литературных критиков и философов начала века (Н. Бердяева, Л. Карсавина и др.) и в работах современных литературоведов (прежде всего, Е. Мелетинского). Методологической основой нашего исследования служат разработки представителей аналитической психологии (К. Г. Юнга, Дж. Кэмпбелла).

Внимательное прочтение романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы" убеждает нас в том, что в этом произведении образ Федора Карамазова наделен теми чертами и функциями, которые в истории культуры традиционно закреплены за архетипом Матери.

Собственно мужские свойства характера Федора Павловича оказываются размытыми, стертыми, ибо 1) роль шута, добровольно избранная Карамазовым-отцом, существенно снижает его "мужественный" образ; 2) за почти полностью атрофированным чувством отцовства старшего Карамазова угадывается темная, нереализованная сторона его личности и видится все тот же недостаток "мужественности".

Размышляя о природе знаменитого карамазовского сладострастия, мы отмечаем трансформацию отношения сыновей к нему. В высказываниях Ивана Карамазова "кубок" жизни приобретает положительную смысловую нагрузку как воплощение жизни, самих ее истоков, и, тем не менее, в его сознании этот образ связан с отцом, которого Иван презирует. Однако эту возможность "припасть к кубку"-жить и любить жизнь - предоставил братьям Карамазов-отец. А значит, функция сладострастия Федора Карамазова в романе осмысливается как порождающая: Федор Павлович - плохой отец, ибо его назначение - давать жизнь, а не беречь и обеспечивать должное состояние жизни, данной иным - материнским (женским) началом. Благодаря ему в произведении Ф. М. Достоевского появляются целые "миры", воплощенные в образах его сыновей идеи: например, Алеша - олицетворение религиозного подвижничества в мире, а Иван - философии нигилизма и пр. Благодаря ему в романе возникают сюжетные линии, одна из которых - несостоявшаяся смена культурных эпох, когда активизация и усиление в мире "женского", "материнского" начала (по своей природе необузданного, стихийного, неупорядоченного) поставили под угрозу существование "мужской", "отцовской" культуры и цивилизации.

Порождающая функция Карамазова-отца в романе и трансформация отношения сыновей к нему как к источнику жизни соответствует одному из аспектов архетипа Матери, сформулированных К. Г. Юнгом, - "ее плодородному и доброжелательному божеству". Совпадают и другие аспекты: карамазовское сладострастие - и "ее оргиастическая эмоциональность"; карамазовская сила, безумная, "неистовая", "земляная", - и ее стихийные глубины". Значит, Отец в романе Ф. М. Достоевского действительно выполняет роль Матери.

Федор Карамазов наделен чертами первопредка, прародителя ("всеобщего отца" или "старухи-матери" - Е. Мелетинский). В Федоре Павловиче угадываются черты совершенства (понятого не по-христиански). В нем еще не разделены Зверь и Человек, Мужчина и Женщина, Мать и Отец. Он предстает перед нами как реликт "золотого

века". Ивану и Мите ненавистен сам внешний облик Отца, в котором, по-видимому, и таится загадка его природы, "вещества". Алеша в Отце видит рудимент чуждого ему древнего, языческого мира. В этом истоки отчуждения сыновей от Отца: они уже отпали от идеала, который Федор Карамазов в себе воплотил. Карамазов-отец слишком опасен и губителен для своих сыновей; они одновременно и обнаруживают в себе черты Отца, и пытаются их преодолеть.

Таким образом, конфликт романа во многом обусловлен тем, что "материнское" ("женское") начало нашло свое воплощение в чужеродном для себя отцовском ("мужском") теле. Его "эпицентром" становится образ Федора Карамазова, в котором реконструируются черты гермафродита. Драматические коллизии романа связаны с тем, что 1) сыновьями ведутся поиски преодоления, сдерживания, подавления карамазовского "безудержа"; 2) разрушительная стихийная сила, заключенная в этой семье, оказывается направленной сама на себя. Ограничение в себе материнского (женского) начала не удастся лишь Ивану: его захлестнула стихия безумия. Дикое и возделанное культурой, стихийное и стабилизирующее, хаотичное и упорядоченное начала оказываются наиболее уравновешенными в образе Алеши.

Ю. В. Казарин
Екатеринбург

ЯЗЫК, РЕЧЬ, ТЕКСТ И КУЛЬТУРА КАК ЕДИНСТВО ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

(проблема лингвоанализа поэтического текста).

1. В течение последних лет в отечественной филологии намечалось явное сближение, если не синтез, двух направлений в изучении художественного текста - литературоведческого и лингвистического. Такое объединение стало возможным в силу полипарадигмального состояния науки о языке и тексте, когда современные исследования основываются на таких научных парадигмах, как лингвоцентрическая, антропоцентрическая, функциональная, коммуникативная, когнитивная, прагматическая, эмотиологическая, а главное - текстоцентрическая. Е. С. Кубрякова называет такое состояние науки нормальным. Текстоцентризм литературоведения и лингвистики обусловил сегодня небывалое развитие текстологии в целом, что привело к изменению научных представлений и взглядов на систему языка, речи и текста, а также